

УДК 327

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ

А.Н. Кангельдиев

Рассматриваются исследовательские подходы для анализа феномена трансграничных транспортных коридоров в современной политической науке.

Ключевые слова: трансграничные транспортные коридоры; политическое пространство.

THE METHODOLOGICAL APPROACHES OF CONCEPTUALIZATION POLITICAL SPACE TO THE CROSS-BORDER TRANSPORTATION CORRIDORS

A.N. Kangelдиеv

The article discusses research approaches for the analysis of the phenomenon of cross-border transport corridors in contemporary political science.

Keywords: cross-border transport corridors; the political space.

В современной политической науке политическое пространство анализируется через призму различных теоретико-методологических подходов: системный (системно-исторический), транснационализм, институционализм/неоинституционализм, конструктивизм, коммуникативный подход, организационная теория. Немаловажное значение имеет и сам объект исследования, начиная от изучения политических систем, режимов и политического управления до трансграничного сотрудничества, роли международных организаций и международного контекста функционирования международных трансграничных транспортных коридоров.

Политический анализ ранее фокусировался на международных пространственных отношениях, возникающих как результат глобализации экономических, политических, социальных процессов в конкретном географически ограниченном месте. Иными словами, пространство осмысливалось в его физическом аспекте с материальным содержанием.

Французский социолог П. Бурдьё одним из первых обратил внимание на стремление социального пространства “реализоваться в нем [физическом пространстве] более или менее полно и точно. ... Иначе говоря, физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии ... объективация и натурали-

зация прошлых и настоящих социальных отношений” [1, с. 53].

Эксперты-политологи не часто разводят в исследовании понятия пространства и территории, используя их в качестве синонимов. Такой политико-географический подход рассматривает географические объекты в качестве субъектов политического процесса [2]. Поэтому, с нашей точки зрения, в политическом анализе ключевыми являются вопросы: почему и каким образом социальное пространство трансформируется в пространство политическое, кто и что делает его таковым, насколько оно устойчиво во времени.

Системный подход в политическом анализе функционирования трансграничных транспортных коридоров в первую очередь обращает внимание на глобализацию. А.Д. Богатуров писал: “Глобализация – это процесс разрастания в масштабах планеты наднациональной сети-оболочки отношений асимметричной взаимозависимости между всеми субъектами международного взаимодействия, включая государства, а также межгосударственных, надгосударственных и негосударственных игроков” [3, с. 44].

Другой российский эксперт Э.Я. Баталов политическое пространство (“политоид”) понимает как сложную систему связей между участвующими в политической жизни субъектами. Политическое пространство предстает как явление объективное,

не совпадающее с физическим пространством. В этом случае структура политического пространства определяет параметры структуры, содержания политических отношений [4, с. 68–69].

В условиях практически полной территориальной освоенности земного шара и возможных последствий для человечества передела мира посредством прямых военных столкновений ведущей формой перераспределения сфер влияния становится политическое пространство. Глобализация подняла проблему возникновения специфического глобального пространства, глобального права, институтов глобального регулирования и глобальных транспортных инфраструктур.

Американский социолог и экономист С. Сасен, который исследует проблемы глобализации, международной миграции и урбанистики, использует термин *“транснациональность”*. По ее мнению, пространственное измерение и масштаб экономических, социальных, политических связей и взаимодействий переросло национальные границы в условиях глобализации [5]. В последнее время это понятие применяется в исследованиях трансграничной миграции. Концептуализируется оно как относительно стабильные, продолжительные во времени и плотные множества связей, которые выходят за пределы границ суверенных государств. Поэтому транснациональные пространства предстают в виде комбинаций связей, отношений и позиций внутри сети, организаций и сетевых сообществ организаций. Сара Махлер говорит, что транснационализм международных миграционных потоков – “способ, которым мигранты своей жизнью и повседневной практикой реконструируют пространство таким образом, будто бы живут одновременно в двух или более национальных государствах” [6, с. 66].

Транснационалисты отстаивают позицию, что экономическая и политическая взаимозависимость в условиях глобализации снизила способность государств полностью контролировать собственную судьбу. Международные неправительственные институты в области продвижения межгосударственного сотрудничества способствуют распространению утвердившихся норм, правил и процедур принятия решений, обеспечивая межгосударственную кооперацию в долгосрочной перспективе. Эксперты прогнозируют, что со временем круг вопросов международной важности, которые регулируются этими институтами, расширится, то есть государство будет уступать контроль для решения вопросов, требующих объединенных усилий мирового сообщества.

Приверженцы социального *конструктивизма* в понятии пространства акцентируют внимание на личности, вопросах идентичности, предполагая,

что, “как социальная сущность, пространство образуется моделями обмена в социальной жизни, устройством гражданского общества и моделями социальной солидарности. Чувство идентичности – вот тот фактор, который основывается на этих процессах и, в свою очередь, упрочивает их территориальную привязку” [7, с. 73].

Конструктивизм в области международных отношений подчеркивает социальный характер этих отношений. По мнению американского конструктивиста А. Вендта, процессы взаимодействия агентов социальной реальности напрямую влияют на создание, воспроизводство и трансформацию международной системы [8].

Коммуникативный подход более близок к идеям П. Бурдьё о социальном пространстве. Политическое пространство, как полагает российский исследователь Г.В. Пушкарева, “фиксирует дистанции и различия в области формирования, функционирования и развития политических властных отношений, то есть охватывает не все многообразие социальных различий, а лишь те из них, которые связаны с политикой как особой системой взаимосвязей и взаимодействий в обществе” [9, с. 167]. В при таком подходе политическое пространство – это не объективное или субъективное явление, а intersubjectное. Она пишет, что “существует в сознании людей, усвоивших в ходе социализации нормы и правила политического поведения, способы ментальной реконструкции властных отношений, понимание иерархичности общества и умение адекватно интерпретировать ожидания других людей, выражающие в том числе, требования соблюдения дистанций в общении. Способом существования intersubjectного по своей природе политического пространства является коммуникация” [9, с. 169]. “Различия в положениях индивида в системе политических отношений придают политическому пространству многомерность: политическая стратификация определяет его вертикальный срез, а дифференциация политических позиций – срез горизонтальный” [10, с. 106].

Сторонники *институционального подхода* рассматривают политическое пространство в категориях политического управления. В центре внимания стоит пространственная конфигурация социальной жизни (символическая и институциональная). Несмотря на то, что подход вполне оправдан, поскольку управление развивается на различных уровнях глобальной системы (локальный, региональный, национальный), тем не менее он имеет свои недостатки. Ограниченное внимание к микроанализу и социокультурной проблематике оказывается весьма существенным препятствием для исследователей политического пространства.

Российский политолог М.В. Стрежнева под понятием политического пространства понимает рефлексивное описание политической организации: "... В каждом реально существующем политическом пространстве где-то непременно содержится власть, которую оно ограничивает, формирует и локализует. Там же должны проходить публичное рассмотрение вопросы особой общественной значимости. Наконец, политическое пространство – это пространство политических смыслов, значений и пониманий, которые обычно представляют, отражают, но также и выстраивают общие цели протекающей в его рамках человеческой деятельности" [11, с. 38].

Организационная теория обусловила пространственно-организационный подход к исследованию политического пространства. Она концептуализировала организации как социальные организмы. Вопросы управления организациями, взаимодействия между собой и с международной средой, внутренняя структура, культура, имидж, факторы трансформации оказываются весьма продуктивными для исследования человеческой деятельности, различных сфер социально-политической жизни. Научные достижения объясняют сложившееся мировое политико-институциональное устройство, проблемы глобального управления, механизмы его формирования и прочее.

Организационная теория позволяет анализировать и прогнозировать тренды мирового развития, социально-политические изменения в области глобального управления, в государстве и мире. Эта теория вполне успешно конкурирует с другими теоретическими подходами организационного типа – системным и структурно-функциональным. Ключевыми элементами теории выступают категории: организация, организационное поле и организационное изменение. Государства являются ключевыми участниками политического процесса. Но в современных условиях данная парадигма не дает адекватного понимания происходящих в мире трансформаций. Организацию на данном этапе рассматривают как комплекс взаимоотношений между индивидами. Выживание и процветание организации во многом зависит от эффективной адаптации организации к внешней среде, что означает успешный маркетинг ее продуктов и услуг, получение необходимых ресурсов и устранение внешних угроз [12, с. 16]. Таким образом, в современном глобальном мире организация теряет институциональную локальность и становится новым пространственным измерением в условиях регионализации и глобализации.

В последние годы распространились менеджерские концепции международных организаций. Они выступают как институты сотрудничества

между государствами, которые вносят свой вклад в решение глобальных проблем и обеспечение приемлемого устройства мира [13].

Ди Маджо и Пауэлл выдвинули предположение, что процесс институционального структурирования организационного поля идет в четырех направлениях: расширение взаимодействия между организациями в поле; возникновение жестко оговоренных межорганизационных структур доминирования и моделей коалиции; увеличение информационной нагрузки, которой организации в поле должны противостоять; развитие взаимной осведомленности среди участников организаций, которые вовлечены в совместное предпринимательство [14, с. 148].

Необходимо отметить, что организации не ограничены в своих возможностях менять свои цели и задачи, вводить новые практики. В организационное поле могут войти новые организации. Но в долгосрочной перспективе организационные акторы создают вокруг себя среду, которая ограничивает их способность к дальнейшему развитию. Организации, вошедшие в организационное поле со временем, становятся похожими друг на друга, с одинаковым устройством.

Организационная парадигма, предложенная организационной теорией, все более активно заявляет о себе в политической науке и политическом анализе. Эта парадигма дает несомненные преимущества в изучении новых влиятельных нетрадиционных акторов мировой политики – институтов и форумов глобального управления, региональных интеграционных объединений, транснациональных партнерств по типу зон свободной торговли и т. д., позволяет исследовать их институализацию и динамику их развития, проблему приспособления государств к новой реальности, трансформации государства и государственности. Пространственное измерение анализа, которое разработано организационной теорией, в силах удачно дополнить исследование мировой политики и политического процесса на разных уровнях в категориях политического пространства.

Ждут своего осмысления вопросы о том, каковы политические последствия институализации организационного поля, каким образом интересы элит оказывают влияние на этот процесс. В рамках организационной теории они поставлены, но решения их в политической науке пока не предложены. Дополнительного изучения требует возможность структурирования и конкурентного соперничества не одного, а нескольких организационных полей в глобальном управлении (западного и незападного, например), исходя из варианта полицентричной структуры современного миропорядка и выдвиге-

ния Китая, Бразилии и Индии на роль региональных и мировых лидеров.

Исследовательские возможности различных методологических подходов в отношении категории политического пространства убедительно доказывают необходимость использования этой категории в политическом анализе.

Политическое пространство представляет собой пространственную конфигурацию политической жизни во взаимосвязи со временем, форму, выражающую определенные устойчивые отношения между людьми и политическими институтами, между индивидуальными и коллективными субъектами и акторами в процессе организации и осуществления власти и управления. Подобная институциональная опора политического пространства дополняется еще и символической – это может быть пространство политических символов, идеологий, политических и/или ценностных предпочтений.

Топология политического пространства не имеет географической основы, хотя способ представления политики через привязку ее элементов к территории может являться одним из значимых его параметров. В каждом конкретном случае политическое пространство может быть и одномерным, но чаще – многомерным, с любым числом измерений, поскольку используется для описания дистанций, различий и взаимосвязей при исследовании многообразных явлений политической жизни и равноуровневого политического процесса.

Вряд ли имеет смысл трактовать политическое пространство чрезмерно расширительно, стремясь сформулировать такое содержащее много частных определений данной категории, которое могло бы устроить всех, вписав в него все возможные стороны и аспекты политического пространства как мыслительной конструкции.

Вероятно, более важное значение имеет момент выбора конкретного, часто достаточно узкого, предмета, фокуса политического анализа (например, трансграничных транспортных коридоров) и предметно определенных методологии и методики исследования в рамках пространственного подхода. Думается, что именно этот момент всякий раз требует необходимого уточнения в интересах исследования авторской интерпретации политического пространства как аналитической категории.

Литература

1. Бурдые П. Социология социального пространства / П. Бурдые. СПб.: Алетейя, 2007.
2. Туровский Р.Ф. Политический ландшафт как категория политического анализа / Р.Ф. Туровский // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 3. С. 33–44.
3. Современная мировая политика. Прикладной анализ / отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2010.
4. Баталов Э.Я. Человек, мир, политика / Э.Я. Баталов; Научно-образовательный форум по международным отношениям. М., 2008.
5. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton: Princeton University Press, 1991.
6. Mahler S.J. Theoretical and empirical contribution toward a research agenda for transnationalism. Op. cit. P. 66 // URL: <https://voices.uchicago.edu/artpoliticseastasia/files/2014/10/Mahler-Theoretical-and-Empirical-Contributions-Toward-a-Research-Agenda-for-Transnationalism.pdf>
7. Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе / М. Китинг // Логос. 2003. № 6 (40). С. 67–115 // URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/40/07.pdf>
8. Wendt A. Social theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999; Idem. The agent – structure problem in International Relations theory. International Organization. 1987. Vol. 41. № 3. P. 335–370.
9. Пушкарева Г.В. Политическое пространство: проблемы концептуализации / Г.В. Пушкарева // Полис. Политические исследования. 2012. № 2. С. 166–176.
10. Пушкарева Г.В. Политические идентичности и политическое пространство / Г.В. Пушкарева // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И.С. Семенов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
11. Стрежнева М.В. Структурирование политического пространства в Европейском союзе. Многоуровневое управление / М.В. Стрежнева // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 12. С. 38–49.
12. Yukl G.A. Leadership in organizations. 5th ed. New Jersey: Prentice-Hall, 2002.
13. Кутейников А.Е. Новое в исследовании международных организаций / А.Е. Кутейников // Международные процессы. 2008. № 6. С. 60–69.
14. DiMaggio P.J., Powell W.W. The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. Op. cit. P. 148.